

УДК 94(47)"16"

ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ И МОСКОВСКИЕ ЧИНЫ ГОСУДАРЕВА ДВОРА РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

М.Р. Белоусов

Аннотация

В статье исследуются проблемы политики верховной власти в отношении московских чинов Государева двора в середине XVII в. (1645–1667 гг.). Исследование базируется на неопубликованных документах разрядного делопроизводства – боярских списках. Установлено, что верховная власть целенаправленно формировала структуру московских чинов Государева двора и их персональный состав.

Ключевые слова: верховная власть, Государев двор, московские чины, боярские списки.

Государев двор являлся ядром политической системы России XVI – XVII вв. Верховная власть замещала высшие придворные, военные и административные должности преимущественно из членов Государева двора. В связи с этим вполне объясним исследовательский интерес к истории Государева двора России. Наименее изученным к настоящему времени является Государев двор XVII в. Если исследованию боярской аристократии и приказной верхушки XVII в. в историографии уделено значительное внимание, то московские чины двора этого времени изучены явно недостаточно. Так, в новейшей (2006 г.) коллективной монографии «Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории» [1] не рассмотрен Государев двор в 1650–1667 гг.

Целью настоящей статьи является анализ проблем (неизученных аспектов) политики верховной власти в отношении московских чинов Государева двора в середине XVII в. (1645–1667 гг.). Среди таких проблем наиболее существенными являются: 1) воздействие верховной власти на структуру московских чинов; 2) роль власти в продвижении членов двора по лестнице московских чинов и выдвигении их в Боярскую думу; 3) изменение численности чинов в связи с преобразованиями, проводимыми верховной властью в административном и военном управлении; 4) верховная власть и преемственность состава московских чинов середины XVII в. с составом двора конца XVI в. – первой половины XVII в.

Для изучения истории двора XVII в. и в частности московских его чинов особое значение имеют боярские списки. Боярские списки – это ежегодно составлявшиеся в Московском столе Разрядного приказа списки членов Государева двора с регулярно вносившимися сведениями об их пригодности к службе, местонахождении и служебной деятельности. Настоящая статья в значительной степени построена на основании изучения данных боярских списков столбцовой

формы периода царствования Алексея Михайловича, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов¹.

К московским чином Государева двора середины XVII в. относятся стольники, стряпчие (с платьем), дворяне московские, иноземцы, служащие «с московскими дворяны», а также жильцы (жильцы с 30-х годов XVII в. учитывались не в боярских, а в жилецких списках, поскольку их количество тогда резко возросло).

Однако, судя по боярским спискам 1646–1667 гг., структура московских чинов была сложнее, чем это отражает представленная схема. Так, в «наличном» списке июля 7172 г. впервые появляется перечень комнатных стольников (18 человек: М.И. Морозов, Н.И. Шереметев, кн. М.А. Голицын, кн. Ю.М. Одоевский, кн. Ю.И. Ромодановский, И.В. Бутурлин, кн. И.Б. Троекуров, кн. М.Ю. Долгорукий, кн. П.И. Прозоровский, В.Н. Собакин, Г.Н. Собакин, В.Б. Голохвастов, Ф.О. Лодыженский, П.И. Матюшкин, Иев Д. Голохвастов, В.М. Еропкин, Иван Д. Голохвастов, П.С. Хитрово), что свидетельствует об их особом положении при дворе (точнее, при государе) по сравнению с другими представителями значительно увеличившегося стольнического чина. В «наличном» списке июля 7174 г. комнатные стольники также выделены в отдельный перечень. Безусловно, формирование и – главное – формальное выделение в боярских списках чина комнатных стольников является результатом политики верховной власти, направленной на обособление (в том числе по характеру деятельности) группы наиболее близких к царю стольников от остальных членов двора.

В особые перечни в ряде «подлинных» (списки 7160 г., 7161 г., 7162–7163 гг., 7165 г.) и «половинном» (7161 г.) списках выделялись стольники и стряпчие в рейтарской службе, дворяне московские в рейтарском строе и иноземцы «в рейтарех». Это свидетельствует о целенаправленном формировании верховной властью в среде правящей элиты командного состава для рейтарских войск. Необходимо в связи с этим отметить, что в «подлинном» списке 7169 г. рейтары-стряпчие записаны уже в основном тексте перечня стряпчих (В.А. Челюсткин, Е.И. Козинский, Ф.И. Игнатъев, М.Н. Извольский, Т.П. Кафтырев), причём при их именах сделаны пометы «рейтар» (рейтар-стольников и дворян в списке нет). В перечнях вновь пожалованных в стольники, стряпчие и дворяне московские в этом списке при именах ряда лиц также сделаны пометы «рейтар». Все указанные лица записаны и в основной текст чиновных перечней стольников, стряпчих и дворян московских «подлинного» боярского списка 7170 г. В перечнях вновь пожалованных в стряпчие и дворяне московские «подлинного» списка 7170 г. также встречаются рейтары. Однако в тексте «подлинного» списка 7171 г. (а также в «подлинных» списках 7172–7176 гг.) ни один рейтар из боярских

¹ См. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 202. Столп. 2. Л. 1 (список 7154 г.); Ед. хр. 202. Столп. 3 (7154); Ед. хр. 1103. Столп. 4. Л. 27–139 (7156); Ед. хр. 1103. Столп. 4. Л. 11–26 (7156); Ед. хр. 216. Л. 1, 380–383, 1–114 (7156); Ед. хр. 1106. Столп. 3 (7158); Ед. хр. 245. Л. 1–135 (7160); Ед. хр. 1131. Столп. 4 (7161); Ед. хр. 1133. Столп. 3 (7161); Ед. хр. 233. Л. 1, 240–385 (7161); Ед. хр. 1102. Столп. 2 (7162); Ед. хр. 269. Л. 142–271 (7162–7163); Ед. хр. 1140. Столп. 1 (7165); Ед. хр. 1069. Столп. 2 (7167); Ед. хр. 202. Столп. 2. Л. 2–82 (7168–7169); Ед. хр. 1140. Столп. 2 (7169); Ед. хр. 338. Столп. 5 (7169–7170); Ед. хр. 342. Столп. 1 (7170); Ед. хр. 1102. Столп. 3 (7171); Ед. хр. 355. Столп. 3 (7172); Ед. хр. 359. Столп. 1 (7172); Ед. хр. 356. Столп. 2 (7172); Ед. хр. 360. Столп. 1 (7172); Ед. хр. 357. Столп. 2 (7172); Ед. хр. 678. Столп. 2. Л. 1–2, 9–12, 18–113 (7174 г.); Ед. хр. 678. Столп. 2. Л. 3–8, 13–17 (7174); Ед. хр. 379. Столп. 2 (7174); Ед. хр. 1152 (7175); Ед. хр. 387. Столп. 2 (7175); Ед. хр. 253 (7176); Ед. хр. 386. Столп. 4 (7176)). Описание боярских списков середины XVII в. и характеристика «подлинных», «наличных» и «половинных» списков подробно представлена в работе «Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник» [2, с. 24–105].

списков 7169 г. и 7170 г. уже не значится. Более того, в перечнях вновь пожалованных в стряпчие и дворяне московские «подлинного» списка 7171 г. при именах многих лиц сделаны пометы «рей[тар]», но в «подлинных» списки 7172 (1663) г. и 7172 (1663/64) г. рейтары не записаны. Следовательно, рейтары, имевшие московские чины Государева двора и вновь пожалованные в них, с 7171 г. не учитывались боярскими списками (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 356. Столп. 2. Л. 61)¹ (это не распространяется на подполковника (Л.А. Сытина) и полковника (Н.П. Дромонта) рейтарского строя, которые, согласно «подлинному» списку 7174 г., были пожалованы в стряпчие 15 и 27 апреля 7174 (1666) г. соответственно, но записаны и в перечень стряпчих «подлинного» списка 7175 г.).

В 1645–1667 гг. в чинах Государева двора, по нашим подсчётам, служило (за исключением жильцов) 4124 человека, принадлежавших к 1059 родам. Численность персонального состава чинов Государева двора, за исключением думных дьяков и дворян московских, судя по боярским спискам, боярской книге 1639 г. и сметным росписям военных сил, в середине 40–60-х годов XVII в. росла. Так, бояр в 1645 г. (ко времени вступления царя Алексея Михайловича на престол) было 15 человек, в 1651 г. – 29, в 1662/63 г. – 26; окольничих: в 1645 г. – 9 человек, в 1651 г. – 25, в 1662/63 г. – 28; думных дворян: в 1645 г. не было, в 1651 г. – 5 человек, в 1662/63 г. – 10; думных дьяков: в 1645 г. – 4 человека, в 1651 г. – 3, в 1662/63 г. – 3; стольников в 1644 г. было 348 человек, в 1651 г. – 420, в 1662/63 г. – 420; стряпчих: в 1645 г. – 217 человек, в 1651 г. – 314, в 1662/63 г. – 545; дворян московских: в 1644 г. – 1432 человека, в 1651 г. – 1364 (с иноземцами и отставными), в 1662/63 г. – 765; дьяков: в 1646 г. – 82 человека, в 1651 г. – 86, в 1662/63 г. – 132 (см. [1, с. 318, 324, 328, 330; 3, с. 5; 4, с. 121; 5, с. 24]). Рост численности персонального состава большинства чинов объясняется прежде всего усложнением управленческого аппарата Российского государства (включая изменения в военной сфере), в котором практически все важные должности замещались членами Государева двора. Что касается существенного уменьшения численности дворян московских, то здесь, надо полагать, сыграло свою роль изменение характера службы стольников: увеличение численности последних привело к назначению их в массовом порядке на административные и военные должности, а не только придворные; поэтому надобность в прежнем количестве дворян московских, ранее привлекавшихся к такого рода деятельности, отпала, последовало сокращение их численности за счёт уменьшения числа вновь пожалованных «по московскому списку».

Пометы боярских списков дают ясное представление о том, что привлечение дворовых к той или иной службе осуществлялось верховной властью продуманно. Например, направление служилых людей московских чинов на городское воеводство (в списке 7158 г. – И.И. Вельяминов «с отцом в Колском», П.Ю. Арсеньев «з братом на Хотмыжском»; в списке 7160 г. – кн. Б.И. Ростовский «в Нижнем со князем Алексеем Буйносовым») или в посольство (в списке 7170 г. И.Н., И.А., Г.Б., И.Я., П.А. и Б.И. Нащокины «в посольстве в Датской земле») совместно со старшими родственниками было вызвано практической необходимостью

¹ После 7171 г. известно лишь одно пожалование рейтара в московские чины – Т.М. Коптева в стряпчие 14 марта 7172 (1664) г.

получения ими опыта административной и дипломатической деятельности, который в дальнейшем способствовал успешности их самостоятельной службы; одновременное назначение верховной властью в качестве судей в Судные Владимирский и Московский приказы близких родственников (чаще всего братьев) – стольников и дворян (причём в Судный Владимирский старшего брата, а в Судный Московский – младшего: в списке 7158 г. – И.С. Исленьев и М.С. Исленьев; в списках 7160 г. и 7161 г. – И.Б. Комынин и А.Б. Комынин; в списке 7170 г. – И.Я. Колтовский и В.Я. Колтовский) – преследовало цель не допустить возникновения местнических споров.

За период 1645–1667 гг. нам известны имена 726 стольников, принадлежавших к 240 родам. Наибольшее число (не менее 7) представителей в этом чине имели князья Барятинские (10), Волконские (25), Гагарины (11), Долгорукие (11), Козловские (9), Львовы (27), Прозоровские (7), Ромодановские (13), Хилковы (9), Хованские (7), Шаховские (9), Щербатые (10), а также Бутурлины (16), Вельяминовы (11), Волынские (9), Головины (8), Еропкины (7), Колтовские (9), Колычовы (8), Леонтьевы (10), Милославские (10), Плещеевы (10), Пушкины (10), Собакины (7), Стрешневы (15), Хитрово (14), Шереметевы (7). Хотя доля старой княжеско-боярской знати¹ в чине стольников в это время не была велика (167 человек, или 23%), персональный состав данного чина продолжал заметно отличаться от других московских чинов двора – стряпчих и дворян московских – прежде всего отсутствием выходцев из рядов уездного дворянства. Большинство стольников этого времени составляли, помимо аристократической молодёжи, дети и родственники не очень знатных и неродословных членов Думы и другие близкие ко двору лица (то есть представители давно служивших в московских чинах родов). Верховная власть, таким образом, стремилась ограничить проникновение в придворный чин стольников далёких от двора служилых людей или даже вовсе не допустить его. Пожалования в московские чины, в том числе и в стольники, фиксировались в «подлинных» боярских списках. Приведём их данные за рассматриваемый нами период. В боярских списках 7158 г., 7160 г., 7161 г., 7162–7163 гг., 7171 г., 7172 г., 7174 г. и 7176 г. зафиксировано 108 пожалований в стольники, из них 61 – из стряпчих, 5 – «из стряпчих рейтарского строю», 9 – «из житья», для 18 предыдущих чин не указан (установлено, что 2 из них – из дворян московских, 1 – из стряпчих), 10 – «в чину ни в каком не были», 5 – «из новокрещенов». Как видим, бóльшая часть стольников получила этот чин в результате перехода из более низкого московского чина стряпчих, некоторые – из жильцов. Лишь аристократы начинали свою службу в чине стольника. При этом если лица незнатного происхождения зачастую завершали свою дворовую службу в стольниках, то родословные лица из стольников жаловались верховной властью в думные чины.

¹ В качестве аристократических в 40–60-е годы XVII в. можно рассматривать следующие 39 фамилий: князья Ахамашуковы-Черкасские, Буйносовы-Ростовские, Воротыньские, Гагины Великого, Голицыны, Долгорукие, Куракины, Литвиновы-Масальские, Лобановы-Ростовские, Лыковы, Мезецкие, Одоевские, Прозоровские, Пронские, Репнины, Ромодановские, Татевы, Темкины-Ростовские, Троекуровы, Трубецкие, Тюменские, Урусовы, Хворостинины, Хилковы, Хованские, Черкасские, Щербатые, а также Бутурлины, Вельяминовы, Волынские, Годуновы, Головины, Долматовы-Карповы, Морозовы, Романовы, Салтыковы, Траханиотовы, Шеины, Шереметевы. К первостепенной княжеской знати мы относим князей Воротыньских, Голицыных, Куракиных, Одоевских, Репниных, Темкиных-Ростовских, Трубецких, Черкасских.

За период 1645–1667 гг. нам известны имена 1058 стряпчих, принадлежавших к 438 родам. Наибольшее число представителей в этом чине имели князья Волконские (15), Гагарины (16), Мещерские (16), Ухтомские (8), Шаховские (7), а также Арсеньевы (7), Безобразовы (11), Беклемишевы (14), Бестужевы (7), Бутурлины (11), Вельяминовы (11), Воейковы (17), Давыдовы (9), Зубовы (8), Квашнины (7), Кондыревы (8), Кузьмины (7), Наумовы (10), Нащокины (9), Племянниковы (8), Плещеевы (13), Полтевы (10), Самарины (9), Хитрово (7), Хрущовы (18), Чириковы (8). Персональный состав стряпчих был далеко не аристократичным, однако отдельные представители не самых знатных родов (по два князя Долгоруких, Прозоровских, Щербатых, а также названные Бутурлины и Вельяминовы, четверо Волынских и двое Головиных) служили в этом чине. Большинство же стряпчих этого времени составляли выходцы из родов детей боярских, правда, связанных с московской службой (жильцы). Об этом говорят данные перечней вновь пожалованных в стряпчие. В боярских списках 7158 г., 7160 г., 7161 г., 7162–7163 гг., 7174 г. и 7175 г. зафиксировано 161 пожалование в стряпчие, из них 122 – «из житья», 14 – «в чину ни в каком не бывал», 17 – предыдущий чин не указан, 7 – «новокрещены», 1 – «а наперед того был в стряпчих и отставлен». Известны немногочисленные случаи пожалования в стряпчие без несения предыдущей службы представителями второстепенной знати. Таким образом, верховная власть не препятствовала проникновению в чин стряпчих уездных служилых людей (в том числе жильцов), правда, принадлежавших к верхушке городских корпораций.

За период 1645–1667 гг. нам известны имена 2283 дворян московских (с отставными, без иноземцев), принадлежавших к 743 родам. Наибольшее число представителей в этом чине имели князья Барятинские (11), Болховские (7), Волконские (20), Вяземские (14), Гагарины (7), Козловские (12), Львовы (22), Мещерские (14), Шаховские (19), Шейдяковы (8), Щетинины (7), а также Бартеневы (7), Безобразовы (10), Беклемишевы (19), Боборыкины (8), Бунаковы (8), Бутурлины (25), Вельяминовы (22), Воейковы (13), Волковы (8), Волынские (15), Давыдовы (11), Дурново (14), Елизаровы (7), Еропкины (7), Жеребцовы (7), Загрязские (15), Замыцкие (8), Засецкие (13), Зиновьевы (11), Зюзины (7), Игнатьевы (12), Измайловы (9), Изъединовы (8), Кафтыревы (9), Квашнины (10), Койсаровы (7), Кологривовы (9), Колтовские (15), Колычовы (15), Комынины (9), Коробьины (7), Корсаковы (7), Кутузовы (9), Левашовы (8), Леонтьевы (7), Лодыгины (11), Лодыженские (14), Милюковы (8), Наумовы (8), Нащокины (21), Нелединские (11), Овцыны (7), Павловы (8), Пановы (7), Плещеевы (25), Поливановы (7), Полтевы (16), Пушкины (12), Ржевские (8), Салтыковы (8), Самарины (12), Стрешневы (11), Сумороковы (9), Сытины (11), Толстые (10), Унковские (7), Ушаковы (9), Хитрово (18), Хлоповы (7), Хрущовы (11), Чаплины (8), Челюсткины (7), Чириковы (9), Чоглоковы (7), Шетневы (9), Шишкины (10), Юшковы (9), Языковы (9). Большинство дворян московских к аристократии не относилось. Основным резервом пополнения этого чина являлись городские дворяне и жильцы, что видно из перечней вновь пожалованных в чины боярских списков. В боярских списках 7158 г., 7160 г., 7161 г., 7162–7163 гг., 7165 г., 7171 г., 7174 г., 7175 г. и 7176 г. зафиксировано 372 пожалования «по московскому списку», из них 115 – из служилых людей разных городов, 103 – «из житья», 62 – из стряпчих,

27 – из стольников, 41 – предыдущий чин не указан, 8 – «из ыноземцов» и «из новокрещенов», 6 – «из стрелетцких голов», 6 – «ни в каком чину не был», 2 – «из рейтар», 1 – из дьяков, 1 – «из дворовых людей». Как видим, верховная власть активно пополняла «московский список» выходцами из уездных служилых корпораций. Дворяне московские являлись следующим после стольников резервом пополнения высших думных чинов в середине XVII в.

За период 1645–1667 гг., по нашим данным, лишь три члена Государева двора служили последовательно в трёх московских чинах – стряпчих, стольниках и дворянах московских. Это князья Ф.С. Барятинский и Г.В. Волконский, а также И.А. Мусин-Пушкин. Видимо, такая последовательная служба в трёх чинах не была обычным явлением, поскольку переход из стольников в дворяне широко не практиковался (характер службы в этих чинах во многом был различным).

Продвижение лиц, имевших московские чины двора, в Боярскую думу было связано с их служебно-местническим положением и близостью к придворному кругу. Подавляющее большинство представителей первостепенной княжеской и нетитулованной знати жаловалось боярством непосредственно из стольнического чина (20 человек: Н.И. Романов, кн. Я.К. Черкасский, кн. М.М. Темкин-Ростовский, кн. Ю.П. Буйносов-Ростовский, кн. М.П. Пронский, кн. Ю.А. Долгорукий, кн. И.Н. Хованский¹, кн. И.П. Пронский, В.Б. Шереметев, кн. Ф.Н. Одоевский, П.В. Шереметев, кн. И.С. Прозоровский, кн. Г.С. Черкасский, кн. И.Б. Репнин, кн. И.А. Хованский, кн. Ф.Ф. Куракин, кн. Я.Н. Одоевский, кн. И.А. Воротынский, кн. А.А. Голицын, кн. Ю.И. Ромодановский) либо из дворян московских (8 человек: кн. А.Н. Трубецкой, И.И. Салтыков, кн. Ф.С. Куракин, Б.П. Шереметев, Л.Д. Салтыков, кн. П.И. Пронский, кн. Г.С. Куракин, кн. С.А. Урусов) и кравчих (П.М. Салтыков), то есть недумных чинов, что является показателем их привилегированного положения. Люди менее родословные и худородные получали боярский чин лишь через окольность² (21 человек: В.И. Стрешнев, Ф.С. Стрешнев, кн. С.В. Прозоровский, Г.Г. Пушкин, И.Д. Милославский, Ф.Б. Долматов-Карпов, кн. Ф.Ф. Волконский, кн. И.В. Хилков, В.В. Бутурлин, кн. Ф.Ю. Хворостинин, Н.А. Зюзин, кн. Д.П. Львов, кн. И.А. Хилков, кн. В.Г. Меньшой Ромодановский, С.Л. Стрешнев, И.А. Милославский, кн. И.И. Ромодановский, кн. И.И. Лобанов-Ростовский, кн. Г.Г. Ромодановский, А.Л. Ордин-Нащокин, Б.М. Хитрово). Окольными же, как правило, становились стольники (40 человек: кн. Д.П. Львов, кн. П.Ф. Волконский, Ф.Б. Долматов-Карпов, Н.С. Собакин, П.Т. Траханиотов, кн. В.Г. Меньшой Ромодановский, кн. С.Р. Пожарский, кн. Ф.А. Хилков, кн. И.И. Ромодановский, Б.М. Хитрово, И.Д. Милославский, С.Г. Пушкин, кн. И.И. Лобанов-Ростовский, кн. И.А. Хилков, В.В. Бутурлин, кн. Ф.Ю. Хворостинин, кн. Д.А. Долгорукий, Н.А. Зюзин, кн. П.А. Долгорукий, И.В. Алферьев, кн. Б.И. Троекуров, И. Большой Ф. Стрешнев, кн. Д.С. Гагин Великого, кн. Т.И. Щербатый, А.В. Бутурлин, кн. Ф.Ф. Долгорукий, И. Меньшой Ф. Стрешнев, кн. Г.Г. Ромодановский, Р.М. Стрешнев, В.М. Еропкин, В.С. Волинский, кн. Н.И. Лобанов-Ростовский, кн. И.Д. Пожарский, М.С. Волинский,

¹ По другим данным, пожалован в бояре из дворян московских.

² Интересно, что если одновременно боярство сказывалось недумцам (стольникам и дворянам) и окольными, то в разрядах и боярских списках сначала, то есть выше, всегда записывались пожалованные из стольников и дворян – более знатных лиц, а затем уже пожалованные боярством из окольных.

И.М. Милославский, Ф.Я. Милославский, О.И. Сукин, кн. И.П. Барятинский, кн. Ю.Н. Барятинский, И.Б. Милославский), а также дворяне московские (18 человек: Б.И. Пушкин, М.М. Бутурлин, кн. И.В. Хилков, кн. В.П. Львов, И.А. Милославский, Т.Ф. Бутурлин, Ф.В. Бутурлин, В.А. Чоглоков, П.Ф. Соковнин, кн. В.А. Оболенский, С.Л. Стрешнев, кн. С.П. Львов, П.П. Головин, А.Д. Колычов, С.А. Измайлов, Н.М. Боборыкин, кн. О.И. Щербатый, кн. Н.Я. Львов), думные дворяне (4 человека: И.А. Гавренев, Ф.К. Елизаров, Ж.В. Кондырев, А.Л. Ордин-Нащокин) и постельничие (2 человека: М.А. Ртищев, Ф.М. Ртищев). Как видим, все думные дворяне и постельничие, 45% дворян московских и 40% стольников, пожалованных в окольные, являлись людьми неродословными, что подтверждает следующий тезис В.О. Ключевского: «Плотный круг фамилий, представители которых прежде чаще других являлись в звании окольных, разбился, и служебный или придворный случай вырывал теперь снизу одну за другой неизвестные фамилии, которые скоро исчезали опять» [6, с. 225]. Однако это наблюдение В.О. Ключевского существенно корректируется выводами А.П. Павлова, который обратил внимание на то, что «хотя на протяжении XVII в. состав думных и московских чинов активно пополнялся людьми новыми и, по понятиям XVI в., неродословными, эти лица не были случайными при дворе. В основном это были представители фамилий, связанных родственными узами с царской семьёй... родственными и личными связями с виднейшими боярами, а также фамилий, выдвинувших из своей среды видных государственных деятелей... Постепенно, но уверенно представители новых, приближенных ко двору фамилий продвигались по лестнице дворовых чинов, утверждаясь сначала в московских чинах, а затем и в Боярской думе, пополняя ряды служилой московской знати» [1, с. 359].

За 1645–1667 гг. известны имена 128 иноземцев (из 104 родов), служивших с московскими дворянами. Большинство из них, судя по фамилиям, имеет польско-литовское происхождение; немало также греков, о чём свидетельствуют пометы боярских списков. Есть выходцы из «Молдавские земли», персы, сербы, перешедшие в православие мусульмане, а также другие иноземцы, о происхождении которых судить трудно – очевидно, немцы, англичане, шотландцы и другие (Албет, Бюстов, Гелда, Кар, Лесли, Палт, Смет, Фандергост, Шульц). Однако, видимо, решающую роль для верховной власти при пожаловании иноземца в «московский список» играли (помимо перехода в православие) его происхождение и прежний социальный статус (достаточно вспомнить историю с выездом М. Шляковского (см. [7, с. 32]).

При анализе политики верховной власти в отношении московских чинов Государева двора весьма важно обратить внимание не только на возможность повышения социального статуса лиц, включённых в боярские списки, но и на его понижение, вплоть до выбывания из состава двора. Понижение чина являлось, за редким исключением («по челобитью» дворового), следствием определённой «вины» служилого человека (так, например, в «подлинном» списке 7160 г. при имени стольника И.И. Чемоданова была сделана помета «160-го в марте за вину з городом»). Если «вина» была не тяжкой (как в случае с И.И. Чемодановым), государь через некоторое время жаловал служилого человека в прежний дворовый чин. Бывали и «тяжкие вины», за которые верховная власть наказывала

строже – выбыванием из состава двора (например, стряпчий кн. Ф.М. Жеряпин-Ушатый был написан «по городу»).

Таким образом, верховная власть целенаправленно формировала структуру московских чинов Государева двора и их персональный состав, определяя характер и виды службы едва ли не каждого члена двора.

Summary

M.R. Belousov. The Supreme Authority and the Moscow Ranks in the Mid 17th Century Russian Monarchic Court.

This article investigates the policy of the supreme authority towards the Moscow officials of the mid-17th century (1645–1667) monarchic court. The study is based on the unpublished documents of the Razryadnyi Prikaz (central state institution for appointment to posts) – the boyar lists. It is established that the supreme authority intentionally formed the structure of the Moscow ranks of the monarchic court and their personal composition.

Key words: supreme authority, monarchic court, Moscow ranks, boyar lists.

Источники

РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9 (Столбцы Московского стола).

Литература

1. Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 548 с.
2. Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: в 2 т. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. – Т. 1. – 316 с.
3. Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. – М.: Синодал. тип., 1911. – 59 с.
4. Водарский Я.Е. Численность, состав и размещение дворянства в первой половине XVII в. // Дворянство России и его крепостные крестьяне, XVII – первая половина XVIII в. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1989 (1990). – С. 120–130.
5. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. – М.: Наука, 1987. – 232 с.
6. Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. – М.: Ладомир, 1994. – 570 с.
7. Бычкова М.Е. О сословной структуре класса феодалов России в XVII в. // Социальная структура и классовая борьба в России XVI – XVIII вв. – М.: Ин-т истории СССР, 1988. – С. 29–43.

Поступила в редакцию
18.02.11

Белоусов Максим Рудольфович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Maxim.Belousov@ksu.ru